

*Богданова Александра Вадимовна,
магистр права,
Высшая школа экономики
Россия, г. Москва
e-mail: bogdanovaa95@mail.ru*

*Научный руководитель: Соколов Тимур Викторович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти
Высшая школа экономики
Россия, г. Москва*

К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ ОПТИМАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: Настоящая статья начинает серию публикаций автора, посвященную проблемам процессуального статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве. С одной стороны, УПК РФ относит потерпевшего к числу участников со стороны обвинения, декларирует право потерпевшего участвовать в уголовном преследовании подозреваемого и обвиняемого. С другой стороны, фактическое положение потерпевшего в процессе позволяет сделать вывод о том, что он выступает лишь в роли свидетеля и не имеет реальной возможности каким-либо образом влиять на ход процесса. Автором делается ряд критических замечаний в адрес действующего правового регулирования публичной и частно-публичной процессуальных форм уголовного преследования, как в должной мере не учитывающих законные интересы лиц, потерпевших от преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс, потерпевший, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд по правам человека, Конституционный суд РФ, состязательность, уголовно-процессуальные функции, уголовное преследование, форма процесса.

*Bogdanova Alexandra Vadimovna,
master of law
High School of Economics
Russia, Moscow*

*Scientific adviser: Sokolov Timur Viktorovich,
candidate of legal sciences, associate professor,
department of judicial power
High School of Economics
Russia, Moscow*

ON THE ISSUE OF FINDING AN OPTIMAL SOLUTION FOR THE VICTIM'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROSECUTION

Abstract: *This article begins a series of publications by the author devoted to the problems of the procedural status of the victims in criminal proceedings. On the one hand, The Code of Criminal Procedure referred the victim to the prosecution, declares the right of victims to participate in the prosecution of the suspect and the accused. On the other hand, the actual position of the victim in the process allows us to conclude that he acts only as a witness and does not have a real opportunity to influence the course of the process in any way. The author makes a number of critical remarks about the current legal regulation of public and private-public procedural forms of criminal prosecution, as they do not properly take into account the legitimate interests of persons who have suffered from crimes.*

Keywords: criminal procedure, victim, European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, European court of human rights, constitutional court of the Russian Federation, competition, criminal procedure functions, criminal prosecution, form of the process.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ одной из главных задач процедур, применяемых в рамках современного российского уголовного судопроизводства, является защита нарушенных прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений. Истоки данного начала уголовного процесса вполне фундаментальны: особенностям процессуального статуса потерпевших, их субъективных правам посвящены общепризнанные принципы и нормы международного права¹, а также положения Конституции РФ².

Помимо указанного, также отметим, что Конституционный Суд РФ в Определении от 24 ноября 2005 г. N 431-О обратил внимание на обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном порядке какие

¹ Среди прочих, отметим следующие: Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.); Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (1985 г.); Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (1990 г.); Решение VII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1985 г.); Решение VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1990 г.); Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века (2000 г.).

² В соответствии со ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

бы то ни было посягательства применительно к личности потерпевшего, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечить последним возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законами способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства не только лицом, совершившим противоправные деяния, но и самим государством.

С одной стороны, УПК РФ относит потерпевшего к числу участников со стороны обвинения, декларирует право последнего принимать участие в уголовном преследовании подозреваемых и обвиняемых. Так, в соответствии со ст. 22 УПК РФ потерпевший, его законный представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение в порядке, установленном настоящим Кодексом.

Между тем, зачастую фактическое положение потерпевшего, не имеющего эффективных процессуальных механизмов для оказания влияния на ведение расследования, невольно наталкивает на вывод о том, что его процессуальная роль едва ли чем-то отличается от свидетеля. В данной связи законодателю следовало бы озаботиться разрешением ряда проблем, связанных с определением правового статуса потерпевшего, обеспечением его прав и законных интересов.

Справедливости ради, следует констатировать, что законотворческая деятельность, последовательно направленная на расширение полномочий потерпевшего, действительно ведётся. Как правило, она реализуется посредством внесения поправок в УПК РФ. В этом отношении можно считать переломным 2013 год: законодателем были внесены широкомасштабные дополнения, направленные на повышение эффективности охраны в уголовном процессе прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Внесенные Федеральным законом от 28.12.2013 N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» поправки и дополнения в УПК РФ (ст.ст. 42 и 313), УК РФ (ст.ст. 74–75, 79–80, 85) и УИК

РФ (ст.ст. 97, 172.1) были призваны увеличить процессуальную роль потерпевшего как в рамках непосредственно уголовно-процессуальных отношений, так и после их реализации на этапе исполнения приговора.

Однако количество заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на отправление правосудия в разумный срок, жалоб в ЕСПЧ, обращений о проверке конституционности положений УПК РФ в Конституционный Суд РФ свидетельствуют о том, что активное законотворчество панацеей ещё не является, так как уровень защиты прав потерпевших всё ещё должным образом не обеспечивается. Открытым остается вопрос и о процессуальной функции потерпевшего – несет ли он функцию обвинения или реализует самостоятельный правовой интерес, вне рамок устоявшихся доктрин об уголовно-процессуальных функциях.

Полагаем, что неудовлетворительное состояние законодательства и правоприменительной практики в предметном вопросе связано, в первую очередь, с фактической монополией государства на осуществление уголовного преследования и поддержание обвинения. Так, расширение прав потерпевшего закономерно создаёт риски возложения корреспондирующих обязанностей на органы предварительного расследования, так как в подавляющем большинстве случаев права потерпевшего могут быть реализованы лишь с разрешения и содействия должностных лиц. В подобных правовых условиях осуществление прав потерпевшего опосредовано самостоятельным процессуальным интересом иных участников уголовного судопроизводства, что становится серьезным препятствием для полноценной судебной защиты. Таким образом, права потерпевшего остаются декларируемыми, но не гарантированными.

Как видится, возможным решением проблемы является ограничение монополии государства по реализации публичного (частно-публичного) уголовного преследования, посредством наделения потерпевшего (его представителя) полномочиями по выдвижению и поддержанию уголовного обвинения в суде. Хотелось бы обратить внимание, что сформулированный нами тезис не противоречит фундаментальным основам российского правопорядка.

Так, в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, сформулированной в Постановлении от 27 июня 2005 г. N 7-П законодатель – исходя из характера преступления, его общественной опасности, сочетания затрагиваемых преступлением общественных и индивидуальных интересов, а также в целях более полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина – вправе дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности, которая предполагает учет волеизъявления лица, пострадавшего от преступления, вплоть до придания ему определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений

Говоря о монополии государства на публичное и частно-публичное уголовное преследование, стоит отметить, что подобный порядок существует в России сравнительно недавно. К примеру, дореволюционные авторы, такие как И.Я. Фойницкий [1], В.К. Случевский [2], Н.Н. Розин [3], С.И. Викторский [4], придавали обвинению смысл, присущий англо-саксонской доктрине уголовного иска – то есть некоего требования о наказании подсудимого перед судом. Так, право на уголовный иск признавалось:

- за государством, в том числе за судом, по делам о преступлениях публичных, усматриваемых судьей в качестве очевидца их совершения или при разбирательстве других дел,

- за административными установлениями (специальными ведомствами благочиния) по делам, касающимся нарушения интересов этих управлений и отнесенных к их ведомству,

- за прокурором по делам о преступлениях публичных и частно-общественных,

- за полицией по делам о нарушении благочиния,

- за частными лицами (потерпевшими и их представителями), в том числе совместно с полицией (полиция принимала участие в собирании доказательств и выступала посредником между частным лицом и судом) в мировых и административно-судебных установлениях (по делам публичным), а также по

делам частного обвинения, подсудных мировым, административно-судебным и общим судебным установлениям (клевета, обида, половая неприкосновенность).

Советская доктрина изменила данный законодательный подход, установив монополию государства на уголовное преследование. В качестве исключений новый правопорядок рассматривал институт частного обвинения, а также возможность возбуждения уголовного дела исключительно по заявлению потерпевших и иных лиц (что, впрочем, было актуально только для суженого числа составов). Можно также отметить существующий на тот момент институт общественных обвинителей, который, так или иначе, допускал представителей общественных объединений (в том числе профсоюзов) к осуществлению обвинения по уголовным делам наряду с прокурором [5, 6, 7].

Описанное выше деление сохранилось и по сей день, что на первый взгляд кажется логичным ввиду принципа публичности уголовного процесса – осуществления уголовного преследования от имени Российской Федерации исключительно органами предварительного расследования. На данный момент в российском уголовном процессе урегулированы три вида уголовного преследования: частное, частно-публичное и публичное, одним из разграничительных критериев которых выступает субъект обвинения – государство в лице специально уполномоченных органов и должностных лиц или частные лица в лице потерпевших от преступных посягательств.

Уголовно процессуальный порядок, основанный на принципе состязательности, предполагает наличие различных видов обвинения, а также различных субъектов его осуществления. Полагаем, что описанная выше государственная монополия на уголовное преследование и поддержание обвинения в суде по делам публичного и частно-публичного обвинения, имеющая место в нашей правовой системе, не отвечает современным стандартам состязательности.

Расширение процессуальных возможностей потерпевшего, в том числе посредством наделения его правом на поддержание обвинения по уголовным делам данной категории положительно повлияет на состояние уголовного

судопроизводства в целом. Прежде всего, это создаст дополнительную гарантию защиты прав потерпевших. Кроме того, будут созданы необходимые условия для эффективного общественного контроля за деятельностью органов предварительного расследования. Поскольку представителем потерпевшего могут быть не только адвокаты, но и иные лица, в данном случае создается благоприятная почва для развития институтов гражданского общества – различного рода профильных организаций, задачами которых будет содействие в реализации прав потерпевших, правовой и информационной помощи в поддержании обвинения по описанным категориям уголовных дел. К тому же, наделение потерпевшего правом на обвинение будет иметь положительное влияние на формирование чувства гражданственности, ответственности граждан при реализации своих прав, что является неотъемлемой основой для построения и функционирования правового государства.

Список литературы:

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 1. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. 579 с.
2. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 684 с.
3. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916. 548 с.
4. Викторский С.И. Русский уголовный процесс М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. 442 с.
5. Гальперин И.М., Полозков Ф.А. Участие общественности в советском уголовном процессе. М: Госюриздат, 1961. 127 с.
6. Полянский Н.Н. Право обществ на уголовный иск. М.: Типо-лит. В. Чичерина, 1911. 52 с.
7. Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении. М: В.И. Знаменский и ко, 1912. 11 с.